

Пушкин - наше «всё», но для кого? | Pouchkine "notre tout", mais pour qui?

Автор: Жорж Нива (пер. Ирины Мироненко), [Женева](#) , 06.06.2019.

Владимиру Набокову виделся пушкинский профиль в вершине Маттерхорна. А вы его видите?(© коллаж Е. Глушак)

В связи с юбилеем великого русского поэта мы попросили видного французского слависта, почетного профессора Женевского университета Жоржа Нива поделиться своими мыслями о том, почему Пушкин «наше всё» с точки зрения европейца.

|

A l'occasion du 220e anniversaire de la naissance du grand poète russe nous avons demandé à Georges Nivat, éminent slaviste et professeur honoraire de l'université de

Genève, d'expliquer pourquoi Pouchkine est si cher au cœur de chaque russophile, du point de vue d'un Européen.

Pouchkine "notre tout", mais pour qui?

Решение о проведении дней официальных языков ООН в рамках программы развития многоязычия и сохранения культурного многообразия было принято Департаментом общественной информации ООН в 2010 году. Вряд ли стоит удивляться, что День русского языка, одного из шести рабочих языков Организации, было решено отмечать 6 июня, в день рождения А.С. Пушкина, нашего «всего». Год спустя постоянное представительство Российской Федерации при Европейском отделении ООН в Женеве решило отметить проводившийся впервые День организацией в здании библиотеки Дворца Наций выставки книг на русском языке. В тот же день, 6 июня 2011 года, Дмитрий Медведев, исполнявший тогда обязанности президента Российской Федерации, объявил этот день Днем русского языка, с тех пор ежегодно отмечаемого на всей территории Российской Федерации.

2019 год – особый, ведь на этот раз 6 июня отмечается и 220-летие со дня рождения великого русского поэта, появившегося на свет, как известно, в Москве, в Немецкой слободе. В связи с юбилеем мы попросили видного французского слависта, почетного профессора Женевского университета Жоржа Нива поделиться своими мыслями о том, почему Пушкин «наше всё» с точки зрения европейца.

Пушкин – наше всё. Это определение поэта Аполлона Григорьева великолепно, но никогда не было полностью верным. Сначала, во времена самого Григорьева и русских радикалов, считалось, что «сапоги во всяком случае лучше Пушкина». Затем, в советскую эпоху, изучали его юношескую шутовскую поэму «Гавриилиада» – ведь это насмешка над Церковью, – но обходили молчанием написанное в последний год жизни замечательное стихотворение «Отцы-пустынники и жены непорочны», вдохновленное молитвой святого Ефрема Сирина.

Да, он был «всё» и в какой-то мере еще и есть «всё» для русских детей: его сказки, его «Руслан и Людмила» вскормили фантазию многих их поколений. И я им завидую: услышать «У лукоморья дуб зеленый» в два года или прочитать его в двадцать два, потому что ты выучил русский язык и хочешь прочесть всего Пушкина, – это совершенно разные вещи. Первое – это то, что навсегда оставило отпечаток на самой твоей сути, второе – то, что встретилось тебе на середине жизненного пути. И это неисправимо.

Пушкин понимал неисправимость, *Fatum*, в античном духе: нельзя вернуться назад, нельзя стереть неисправимое, просто исповедавшись в грехах. Татьяна стала женой генерала, это нельзя исправить. Дочь Троекурова вышла за князя Верейского – Дубровский приехал слишком поздно. Спустя четыре года после дуэли Сильвио по-прежнему вправе стрелять в графа, месть никто не отменял.

Зато Пушкин с изумительной зрелостью переходил от одного этапа к другому: от «Гавриилиады» к «Страннику», заимствованному у Бэньяна, от «Анчара» и его отравленных стрел к стихотворениям, свободным от всяких метафор, в которых самое чудесное заключено в легких, словно кружевных грамматических конструкциях, как в «Я помню чудное мгновенье». И насколько поддаются переводу романтические поэмы, частично вдохновленные Байроном или Шенье, настолько

непереводимо волшебство «Талисмана».

Памятник Александру Пушкину на Пушкинской площади в Москве был торжественно открыт 6 июня 1880 года. А. П. Пушкин стан первым не государственным деятелем, удостоенным памятника в России.

Пушкин был поразительно умен, это был ум стремительный и при этом доходящий до самой сути. Его стихотворение памяти Андре Шенье говорит всё, что можно сказать об алгоритме революции, которая чрезвычайно его тревожила, хотя он и был другом декабристов. Его «Стансы» к Николаю I говорят всё о прощении, которое должно присутствовать в политике и которого не будет: провал «Стансов» – это и провал Пушкина в качестве советника царя: царь вернул его на место простого камер-юнкера.

Как историк, Пушкин отличался абсолютной точностью и страстным стремлением понять ход Неотвратимого – это проявилось и в исторической прозе, и в параллельных романтических повестях, например, в «Капитанской дочке».

Он никогда не был «нашим всем» в России для всех в один и тот же исторический момент потому, что никогда он не повторялся, а русское общество не поспевало за ним, не будучи способным так быстро менять себя и свои суждения. Поэтому в нем разочаровывались, его не понимали и, боюсь, не очень понимают до сих пор.

Набоков в своем романе «Дар» забавлялся тем, что воображал стареющего Пушкина, который не погиб от пули Жоржа Дантеса. Но это невозможно как раз потому, что в его жизни, в его поэзии, в его понимании истории и Европы присутствует тот грозный *Fatum*, который тянется из Античности и неумолимо влечет к катастрофе. Дантес был перстом судьбы. Пулю выпустил сам Пушкин, он целился в самого себя. Пушкин сам себе задавал вопрос Сфинкса и сам себе отвечал: провал!

Но в каком-то смысле Пушкин является частью нашего европейского «всего», это правда: он и и циник Чайльд-Гарольд, и Андре Шенье, восходящий на гильотину, и Дон Жуан, подающий руку Бездне, и пуританин Бэньян, бегущий от мира, и беззаботный Самозванец, скачущий на своем белом коне. Он одновременно Моцарт, Сальери и проходящий по улице скрипач в лохмотьях. Он автор «Песен западных славян»: это подражание выдумке Мериме, но сами эпические поэмы великолепны, и в них мы находим всё, чего не хватает русским былинам, настоящий гимн победе! Будучи проницательным читателем Токвиля, он был либералом, обеспокоенным, обеспокоенным демократическим деспотизмом.

ALEXANDRE POUCHKINE
POÈTE

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ
ПУШКИН

1799-1837

В парижском «Сквере поэтов» в 1999 году появился памятник Александра Пушкина работы скульптора Юрия Орехова. Памятник стал подарком московской мэрии Парижу по случаю 200-летия со дня рождения поэта.

Став историографом царя, который позволил ему работать в архивах с документами о самом ужасном русском бунте, Пугачевском, он осмеливается добавить «замечания», чтобы подсказать царю путь к разумному развитию России. Иными словами, если и есть «всё», так это то «всё», которое может попытаться прожить за свою жизнь такой гениальный, восприимчивый человек с огромным сердцем.

Его «Пир во время чумы» – это переложение английской поэмы, но становится поразительной «маленькой трагедией», в которой жалобная песнь Мери и гимн чуме Председателя, написанные по-русски, звучат как европейские песни. Европейского языка не существует, и тем лучше, европейский язык – это перевод. Но есть европейское пиршество. Оно происходит во время чумы или между великими эпидемиями, ведь европейцы, Европа как только получали такую возможность, принимались сражаться, грабить и перегрызать друг другу глотку. Быть европейским голосом – не значит быть всей Европой, это невозможно. Это значит быть всей тревогой и всей радостью Европы.

По-своему дружба Пушкина с Адамом Мицкевичем – это прекрасная грань той Европы, которая составляет наше восхитительное и трагическое «всё». В 1830 году поляки восстали, царь их укротил. Два поэта Европы разошлись. Один пишет «Клеветникам России», оду, которую сегодня столь же трудно принять, как и вчера. Другой отвечает мрачным послесловием – поэмой «Дзяды». Во вступлении к «Медному всаднику» говорится: «Здесь будет город заложен назло надменному соседу. Природой здесь нам суждено в Европу прорубить окно». Сказано – сделано: появляется чудесный Град, новые Афины, столица Петра, но это Афины, которые захлестывают, словно разрушительные волны, отчаяние и безумие. Мицкевич отзывается: «Чужая, глухая, нагая страна, бела, как пустая страница, она» и описывает страну покорных, хоть и полных сил рабов. «Он между нами жил среди племени ему чужого; злобы в душе своей к нам не питал, и мы его любили». Но злоба зародилась после подавления Варшавского восстания, и стихотворение Пушкина обрывается многоточием, а Мицкевич пишет « Вы помните ль меня»...

Европа также может сказать о Пушкине (которого царь никогда так и не пустил за границу) : «Он между нами жил». Он был нами, он вместил всю Европу, как утверждал Достоевский в 1881 году в «Пушкинской речи», которая столь многих заставила прослезиться. Его Европа тихо разваливалась, и наша тихо разваливается, борясь с самой собой в междоусобной гибридной войне вчера в бывшей Югославии, сегодня на рубежах Украины, а завтра быть может в иной части.

Итак, это «всё», эту пушкинскую «маленькую Европу», «маленькую» но вмещающую все, как были пушкинские «маленькие трагедии», в которых заключается вся европейская слава и вся европейская тревога, – мы ее лелеем, и она так же принадлежит нам, как и русским детям, она тоже «наша». И пусть она будет нашим маленьким «всем»! И это уже будет здорово... Разумеется, вместе с Мицкевичем!

Повторим, словно молитву, последние его строки: «Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья, да брат мой от меня не примет осужденья, и дух смирения, терпения,

любви и целомудрия мне в сердце оживи». Дух смирения победил Fatum. Проигравший Пушкин, умиравший в муках от ранения в живот, был спасен. А вместе с Пушкиным была спасена и останется навеки спасенной и частичка нашей Европы.

[Женева](#)

Source URL: <https://dev.nashagazeta.ch/news/culture/pushkin-nashe-vsyo-no-dlya-kogo>